

Валерий Хаит

Гердт читает стихи

Познакомил меня с Зиновием Ефимовичем кинорежиссер Петр Тодоровский. Это было на Одесской киностудии, куда я был приглашен для участия в пробах на роль главного героя в будущем фильме Тодоровского «Городской романс».

А началось все с того, что Петр Ефимович по просьбе одесских властей принял участие в первой встрече одесской команды КВН в сезоне 1969-70 гг. (это был так называемый «Кубок чемпионов») в качестве режиссера. Он поставил нам домашнее задание, которое, помнится, и сыграло решающую роль в нашей встрече со знаменитой когда-то командой подмосковного города Фрязино. Тодоровский и в нашем случае использовал только ему одному присущее в кино сочетание лирики и юмора. Таким же характерным для него было и умелое использование музыки. Я помню, как волшебным образом вызывая каждый раз восторг в наших душах, звучала на репетициях мелодия итальянца Нино Рота из фильма «Восемь с половиной», ставшая лейтмотивом нашего домашнего задания...

Конкурс, а вместе с ним и встречу, мы выиграли, с Петром Ефимовичем подружился надолго, что, видимо, и было одной из причин принятия им странного решения пригласить меня на пробы. Я прибыл, мне дали текст, познакомили с прилетевшей из Москвы тоже на пробы актрисой (фамилию не помню) и включили камеру. Через пять минут не только я, но и Петр Тодоровский понял, что никакой я не киногерой, но попросил меня прийти и на следующий день: должна была пробоваться другая актриса, которой мне теперь предстояло просто подыграть.

Ее имя я уже запомнил, поскольку, выполняя техническую роль, совсем не волновался; это была Маша, ставшая впоследст-

вии Машей Соломиной, хотя главную мужскую роль в «Городском романсе» в результате исполнил не только не я, но и по каким-то причинам не Виталий Соломин, а совсем наоборот – Евгений Киндинов. Я знаю, чем утешился не получивший главную роль в фильме Виталий: он нашел себе на пробах будущую жену; меня же вполне устроило то, что я помог Маше успешно пройти эти самые пробы, сыграв таким образом решающую роль в ее встрече с будущим доктором Ватсоном.

И вот мы идем с Петром Ефимовичем по двору киностудии, а навстречу нам Гердт. Он был без проб утвержден на одну из ролей в «Городском романсе» и гостил в Одессе у друзей, часто видясь и с Тодоровским, которого уважал и любил. Причем любил до такой степени, что делал как раз в это время все возможное для переезда семьи друга в Москву. И насколько я помню, аргументы Гердта были, как он говорил, сугубо эгоистическими: он просто не мог дня прожить без Пети. Тот платил Зиновию Ефимовичу тем же; даже район съемок «Романса» в Москве, где были необходимые для фильма объекты, выбрал рядом с домом Гердта, чтобы тот мог приходиться на площадку пешком.

Тодоровский представил меня, Гердт сказал, что наслышан (КВН тогда был в прямом эфире, да и интеллигенция его тогда еще смотрела), взял меня под руку, увел от Тодоровского и сразу стал мне читать Пастернака. В некоторых стихах я подхватил строки, некоторые мы прочли, так сказать, в унисон, а раз-другой я даже позволил себе уточнить некоторые слова. Со временем стало понятно, что у Гердта это был такой своеобразный тест: знание стихов и, прежде всего Пастернака, было как бы пропуском в его мудрую поэтическую душу. После того знакомства я еще несколько раз виделся с Гердтом в доме его одесских друзей, куда и для меня была открыта дверь; а когда я вновь оказался в Москве, то несколько раз даже побывал в гостях в его однокомнатной квартире на улице Телевидения, где он жил тогда в крашенном темно-синей краской новом доме. Помню, вот я прихожу на съемки, жду, когда Зиновий Ефимович отснимет свой эпизод, и мы идем с ним по свежему снегу к его отчетливо видимой синей девятиэтажке, где на первом этаже была его квартира. Он меня угощает обедом, потом уже в сумерках, не зажигая света, мы опять читаем Пастернака, перекидываемся

строчками, потом доходим до романа в стихах «Спекторский», откуда я тоже знал наизусть какие-то куски, скажем такой:

Привыкши выковыривать изюм
Певучестей из жизни сладкой сайки,
Я раз оставить должен был стезю
Объевшегося рифмами всезнайки.

Я бедствовал. У нас родился сын,
Ребачества пришлось на время бросить.
Свой возраст, взглядом смеривши косым,
Я первую на нем заметил проседь.

Но я не засиделся на мели,
Нашелся друг отзывчивый и рьяный.
Меня без отлагательств привлекли
К подбору иностранной лениньяны...

Потом он начинает мое самое любимое из «Спекторского»:

Поэзия, не поступайся ширью,
Храни живую точность: точность тайн.
Не занимайся строчками в пункте
И зерен в мере хлеба не считай...

И я подхватываю:

Недоуменьем меди орудийной
Стесни дыханье и спроси певца:
Неужто, жив в охвате той картины,
Он верит в быль отдельного лица?..

Потом я напоминаю ему волшебное, буквально сверкающее оттуда же:

Поселок дачный, срубленный в дуброве,
Блистал слюдой, переливался льдом,

И целым бором ели, свесив брови,
Брели на полузанесенный дом...

И тут выясняется, что я тоже когда-то обратил внимание и чуть ли не помнил наизусть напечатанный в пастернаковском томе «Библиотеки поэта» в разделе «Ранние редакции» потрясающий фрагмент из «Спекторского»:

Когда рубашка врезалась подпругой
В углы локтей и без участия рук,
Она зарыла на плече у друга
Лица и плеч сведенных перепуг.

То не был стыд, ни страсть, ни страх устоев,
Но жажда тотчас и любой ценой
Побыть с своею зябкой красотой,
Как в зеркале, хотя б на миг одной...

В тот вечер Зиновий Ефимович подарил мне свою фотографию с очень теплой и очень лестной для меня надписью...

С тех пор я много раз слышал, как Гердт читал стихи. Это было неподражаемо! Мне довелось бывать на концертах выдающихся чтецов. Я помню прекрасное чтение Пушкина Дмитрием Журавлевым, несколько раз слушал поэзию Гарсиа Лорки и Жака Превра в изысканном исполнении Вячеслава Сомова; до сих пор у меня в ушах звучит мгновенно запомнившаяся с сомовского голоса миниатюра Жака Превра:

Возьмите слово за основу
И на огонь поставьте слово.
Добавьте мудрости щепоть,
Наивности большой ломоть,
Немного слез, немного перца,
Кусок трепещущего сердца
И на конфорке мастерства
Прокипятите раз и два,

И много-много раз все это.
Теперь пишите... Но сперва
Родитесь все-таки поэтом!

Я слушал стихи Давида Самойлова в великолепном исполнении Рафаэля Клейнера, слушал Михаила Казакова, Сергея Юрского... Но я все равно считаю, что лучше Зиновия Гердта никто стихов не читал! Он читал просто, естественно, озабоченный лишь тем, чтобы донести до слушателя всю красоту и глубину стиха. Это не было актерским чтением. Он ничего особенно не педалировал. Он лишь подчеркивал мысль, чуть-чуть выделял особенно нравившиеся ему строки и сочетания слов, да, он как бы делился своим восторгом перед силой поэтического слова, но делился сдержанно, благородно, никому ничего не навязывая.

Помню, как-то при мне он начал читать Лермонтова – «Наедине с тобою, брат...», «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана...»). Возникло ощущение, что я слышу эти стихи впервые, какая поэтическая мощь, какая красота! Эти три сна в одном «Сне», эта ирония и печаль в «Брате»! И опять я запомнил стихи с голоса наизусть. Запомнил навсегда...

Как-то Зиновий Ефимович поведал мне, как он попал в театр Образцова. Я не помню рассказ буквально, но суть была в следующем. Гердт всегда мечтал стать актером. До войны он был участником Арбузовской студии и исполнителем одной из ролей в коллективно написанной знаменитой пьесе «Город на заре». С войны Гердт вернулся инвалидом, но мечта осталась. Какой театр согласится взять хромого? И тогда Гердт решил пойти к Образцову: это был театр кукол, и актеры там играли за ширмой. Так вот, когда Гердта пригласили в комнату, где заседала возглавляемая Образцовым некая комиссия, и спросили, что он умеет делать, Гердт начал читать стихи. Он прочел несколько и остановился. Образцов сказал: «Еще!». Гердт снова прочел несколько. Образцов вновь попросил продолжать. «Я читал часа полтора, – рассказывал Гердт, – и меня зачислили. Образцов сказал: «Берем. В крайнем случае, будете читать нам стихи».

Я еще раз прошу прощения, что решился написать об этом, не помня рассказ З. Е. дословно...

Гердт читал мне Самойлова, с которым близко дружил, благодаря Гердту я внимательно вчитался и полюбил Твардовского.

А вот рассказ о его личной встрече с Александром Трифоновичем. Гердты приобрели половину дачи в Красной Пахре (во второй ее части, кажется, жила семья Константина Симонова). А в этом дачном поселке уже давно жил Твардовский. Так вот, Зиновий Ефимович рассказал, как однажды встретил гуляющего в лесу поэта и, набравшись смелости, познакомился с ним. Они шли, беседовали, и вдруг Гердт неожиданно начал декламировать:

В чем хочешь человечество вини,
И самого себя, слуга народа,
Но ни при чем природа и погода,
Полны добра перед итогом года,
Как яблоки антоновские, дни...

Эти стихи только что появились в «Новом мире», и Зиновий Ефимович сразу запомнил их наизусть. Он прочитал их поэту до конца...

...Безветренны, теплы – почти что жарки,
Один другого краше, дни-подарки
Звенят чуть слышно золотом листвы
В самой Москве, в окрестностях Москвы
И где-нибудь, наверно, в пражском парке.
Перед какой безвестною зимой
Каких еще тревог и потрясений
Так свеж и ясен этот мир осенний,
Так сладок каждый вдох и выдох мой?

Гердт рассказывал, как он волновался, читая, даже опустил голову. Поднявши глаза, он увидел, что Твардовский плачет...

Нетрудно высчитать, что встреча Зиновия Ефимовича с Твардовским состоялась ранней осенью 1968 года, советские танки только что вошли в Чехословакию; строка о пражском парке подсказывала, в связи с чем было написано стихотворение. Это все мне тоже рассказал Зиновий Ефимович...

Как-то в один из своих частых в те годы приездов в Москву я позвонил Гердтам и услышал от Татьяны Александровны – жены Гердта: «Зямы сейчас нет, приходи вечером, расскажешь об Одессе...». Татьяна Александровна относилась ко мне тоже по-доброму, но несколько иронически. Так, за мою провинциальную привычку приходить в дом с цветами она называла меня одесским пижоном. В принципе, завоевать доверие жены Гердта было довольно трудно, я, честно говоря, еще легко отделался... Но это так, к слову...

И вот я прихожу вечером, у Гердтов гости, меня приглашают к столу, и я оказываюсь рядом с Александром Моисеевичем Володиным – великим драматургом, автором киносценария знаменитого «Фокусника», снятого Петром Тодоровским в 1967 году с Гердтом в главной роли. Гердт ведет стол (это отдельная поэма), взрывы смеха идут без пауз, я быстро хмелею (поэтому, видимо, никого из гостей, кроме Володина, сидящего рядом, не запомнил). Время мчится, и вот мы уже едем, а потом идем с Александром Моисеевичем, которого я вызвался проводить, по снежной Москве, и я с жаром читаю ему наизусть Твардовского, которого, по сути, открыл мне Гердт. Здесь и «Две строчки», и «Дробится рваный цоколь монумента», и «Немного надобно труда...», и «Полночь в мое городское окно», и начало «Теркина на том свете». Читал я, видимо, хорошо, поскольку был пьян, а значит, смел. Александр Моисеевич не перебивал меня, восторгался стихами, говорил, что слышит их впервые, я удивлялся тому, что он может их не знать, и до сих пор во мне живет ощущение, что ироничный, склонный к мистификациям Володин просто меня тогда разыграл...

Еще одно яркое воспоминание, связанное с Зиновием Ефимовичем, – одесская Юморина 1976 года, к организации которой я имел тогда прямое отношение. Мы пригласили уже невероятно популярного к тому времени Гердта (фильм Швейцера «Золотой теленок» вышел в 1969 году). Он приехал с Петром Тодоровским и на главном концерте Юморины в филармонии под гитарный аккомпанемент Петра Ефимовича они исполнили вместе специально написанные Гердтом куплеты, начинавшиеся так:

«Послушайте, граждане, дамы, мужчины,
Мы выложим наш аргумент:

Какие быть могут еще Юморины
В такой напряженный момент?!

В то время как целый народ в Ламцедроне
Военщине рвет потроха,
Они в филармоньи сидят, как на троне,
И все им хи-хи да ха-ха...»

Номер имел бешеный успех, который только возрос после исполнения Гердтом и Тодоровским на бис таких же куплетов, посвященных Утесову.

А в девяностые годы мне посчастливилось видеть Гердта уже на петербургском фестивале юмора «Золотой Остап», где он был и лауреатом, и почетным гостем. Вот он выходит на сцену и тоже читает стихи, потом рассказывает невероятно смешной, тем более в его исполнении, анекдот про случай с охотником. Помните? Охотник проваливается в медвежью берлогу, страшно пугается, видит там медвежонок и шепотом спрашивает: «Папа дома?» Тот: «Не-ет». – «А мама?» – «Не-ет». Охотник, осмелев: «А ну иди ко мне!..». Медвежонок зовет: «Бабушка-а-а!..». (Ах, как Гердт это произносил!..) Потом Зиновий Ефимович зовет на сцену Валентина Гафта и просит прочесть новую, посвященную ему эпиграмму, и тот читает: «О необыкновенный Гердт! Он сохранил с поры военной одну из самых главных черт: колено-он-непреклоненный!» – и зал взрывается овацией. И Гердт, прихрамывая на свою негнущуюся раненную ногу, сходит в четырехтысячный зал, который стоя приветствует его...

Тогда же (а возможно, это было и во время другого «Золотого Остапа») я, помню, спустился довольно рано в бар гостиницы, где жили гости фестиваля, выпить чаю и обнаружил там одиноко сидевшего за рюмкой коньяку Александра Володина. Я поздоровался с ним, и поскольку он меня не узнал, сел за другой столик. Через минуту появился Зиновий Ефимыч, к которому, видимо и пришел Володин. Они обнялись и стали выпивать понемножку уже вместе. Был какой-то живой разговор, потом пошли стихи, бар понемногу заполнялся гостями «Остапа»; и вот уже всех нас приглашают к столу, где они сидели, и мы неожиданно становимся зрителями и слушателями невероятного бенефиса этих двух остроумнейших

и доброжелательнейших людей, которые были так рады друг другу, что почувствовали непреодолимое желание поделиться этой радостью с другими. И конечно же, опять были стихи, стихи, стихи...

Я думаю, что поэзия значила для Гердта очень многое, в частности, она заменяла ему религию: его мудрость, благородство, всегдашнее следование понятиям чести и достоинства, гармоничность его натуры были в нем именно от русской поэзии. Он поклонялся ей, причем вполне допускал в этой своей вере многобожие: Пушкин, Лермонтов, Пастернак, другие замечательные поэты были для него всю жизнь истинными богами...

Возвращаясь же к временам, когда судьба в лице Петра Ефимовича Тодоровского подарила мне знакомство с выдающимся артистом и прекрасным человеком Зиновием Ефимовичем Гердтом, я вспоминаю одну встречу, когда я его немного подвел. Однажды, было это, кажется, году в семидесятом, Гердты взяли меня с собой к уже переехавшим к тому времени в Москву Тодоровским. Помню, мы пришли к ним в двухкомнатную квартиру на проспекте Вернадского, вытащили принесенные с собой бутылки и тут же сели к столу. Тем более что повод, по которому Тодоровские решили собрать гостей, красовался именно на столе: там сияла желтовато-стальным светом огромная овальная банка югославской ветчины. Кто помнит советские времена, согласится, что стать тогда обладателем подобного деликатеса было не только огромной удачей, но и настоящим праздником. Мы выпили за удачу и приступили к ее уничтожению. Со временем к нам присоединились дочь Гердтов красавица Катя со своим тогдашним мужем молодым театральным режиссером Валерием Ф. Конечно, банка ветчины была замечательным поводом для встречи, но по мере насыщения повод этот как-то стал меркнуть, и тут Зиновий Ефимыч намекнул, что раз я как-никак из Одессы, то должен взять по возможности художественную часть на себя. Я несколько раз пытался сказать что-нибудь, если и не смешное, то хотя бы осмысленное, но не преуспел в этом: во-первых, здесь были Гердт с Тодоровским, шутить при которых было глупо, во-вторых, молодой театральный режиссер сидел за столом с таким видом, что ни у кого не возникало сомнений в его великом будущем, ну и, наконец, присутствие красавицы Кати как ничто питало мое косноязычие.

Гердт оставил свои попытки меня реанимировать и стал невероятно смешно петь малоизвестные одесские частушки из утесовского репертуара, помню, про какую-то Феничку. При этом он так виртуозно подражал утесовской манере, что мы просто падали со стульев.

Вечер «Гердт в роли Утесова» продолжался и дальше, и завершился опять стихами: Зиновий Ефимович уморительно прочитал в образе Утесова лермонтовское «Выхожу один я на дорогу...». Я тогда впервые узнал, что Утесов в уже более чем зрелом возрасте полюбил стихи Лермонтова, причем полюбил до слез. Уверен, что и здесь не обошлось без Гердта...

Одесса

